

Научная статья

УДК 930.1

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-126-136

Раннехристианские сюжеты в творчестве Б. Ф. Поршнева: опыт анализа

Ольга Вадимовна Метель

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Омск, Россия

olgametel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6981-6137>

Аннотация

Автор анализирует взгляды Б. Ф. Поршнева на проблему возникновения христианства. Опираясь на опубликованные и неопубликованные работы ученого, автор показывает, что ученый стремился вписать историю раннего христианства в общий контекст классовой борьбы человечества, рассматривая его в качестве идеологической основы антирабовладельческой революции, потрясавшей Римскую империю в первые столетия новой эры. Однако столь очевидное стремление революционизировать христианство и представить его основателя в качестве героя народного движения, чей образ в дальнейшем приобрел мессианские черты, противоречило общему подходу к истории данной религии, укоренившемуся в советской науке. Именно поэтому специальные статьи Б. Ф. Поршнева по истории раннего христианства так и не вышли из печати.

Ключевые слова

советская историография, Б. Ф. Поршнев, раннее христианство, советский марксизм, новозаветная литература, историческая и мифологическая школы, революция рабов, Иисус Христос

Благодарности

Исследование проводилось при поддержке РФФИ, проект № 20-09-41014

Для цитирования

Метель О. В. Раннехристианские сюжеты в творчестве Б. Ф. Поршнева: опыт анализа // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 126–136. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-126-136

The History of the Early Christianity in B. F. Porshnev's Works: An Attempt for the Analysis

Olga V. Metel

Dostoevsky Omsk State University

Omsk, Russian Federation

olgametel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6981-6137>

Abstract

The article analyzes B. F. Porshnev's approach to the history of Early Christianity. Based on the study of the published and unpublished works of the Soviet scientist, the author establishes that B. F. Porshnev had a goal to add the history of Early Christianity into the general context of the class struggle, considering it the ideological basis of the anti-slavery revolution that shook the Roman Empire in the first centuries of CE. However, the attempt to present Christianity as a revolutionary force and its founder as a hero of a people's movement contradicted the general Soviet approach to the history of this religion. In the 1960s, B. F. Porshnev questioned the version of the dating of the "Apocalypse" that dominated Soviet historiography and criticized the theory of the anti-slavery revolution.

© Метель О. В., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 126–136

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 8: History, pp. 126–136

B. F. Porshnev heavily relied on R. Yu. Wipper and A. Robertson's ideas, which other Soviet scientists criticized. For the above reasons, B. F. Porshnev's articles on the history of Early Christianity were banned from publishing, and colleagues criticized his conclusions. After 1965, he lost interest in the history of Early Christianity due to the completion of his goal to build a theory of the development of the class struggle from antiquity to the present and add the history of Early Christianity to this grand scheme.

Keywords

Soviet historiography, Boris Fedorovich Porshnev, Early Christianity, Soviet Marxism, New Testament studies, historical and mythological schools, anti-slave revolution, Jesus Christ

Acknowledgements

The study was supported by a grant from the RFBR, project no. 20-09-41014.

For citation

Metel O. V. The History of the Early Christianity in B. F. Porshnev's Works: An Attempt for the Analysis. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 8: History, pp. 126–136. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-126-136

Обращаясь к анализу советской историографии всеобщей истории, современный исследователь вряд ли сможет оставить без внимания фигуру Б. Ф. Поршнева (1905–1972), ученого, известного далеко за пределами СССР, но при этом имевшего в глазах современников весьма неоднозначную и даже скандальную репутацию. Недаром, П. Ю. Уваров сравнивал ее с репутацией ярмарочного монстра [Уваров, 2015, с. 139], а А. Я. Гуревич в своем последнем интервью хотя и признавал за Б. Ф. Поршневым смелость мысли, но тут же оговаривался, что эту мысль «сплошь и рядом приходилось определять как сгазу» (Гуревич, Степанов, 2006, с. 181). Виной тому, безусловно, был весьма специфический исследовательский почерк Б. Ф. Поршнева, стремившегося, по меткому выражению А. В. Гордона, к «системосозиданию» [Гордон, 2018, с. 169], а не «коллекционированию фактов», являвшемуся столь распространенным в советской науке. Об этой черте научного подхода ученого писала в своих воспоминаниях и его дочь, Е. Б. Поршнева, отмечавшая, что ее отец действительно всегда стремился подняться до определенного уровня научных обобщений и не считал нужным дотошно фиксировать «сто однотипных, идентичных фактов – достаточно двух-трех» (Поршнева, 2007, с. 563).

Подобное стремление к генерализациям сочеталось в трудах Б. Ф. Поршнева с еще одним весьма неоднозначным для его коллег желанием выйти за пределы узкой дисциплинарной области и создать метадисциплинарные проекты, связанные с поиском начал человеческой истории или разработкой ее общих теоретических основ. Для этого он обращался к методам философии, психологии, физиологии и других дисциплин, и тем самым как вспоминала Л. Ф. Туполева, представлял советским историкам, всегда осторожно относившимся к методологическим новациям, дополнительную возможность упрекнуть его в том, что он слишком «разбрасывается» (Туполева, 2005, с. 73). Действительно, у советских медиевистов и новистов, привыкших в течение десятилетий работать с материалом по одной и той же или смежной проблематике, один только перечень его конкретно-исторических штудий вызывал немало вопросов, а ведь Б. Ф. Поршнева всерьез занимался поисками снежного человека и проводил опыты по добыванию огня. И эти исследовательские проекты были характерны отнюдь не для раннего периода творческой деятельности ученого, искавшего себя в бурные послереволюционные годы. Напротив, вся его научная жизнь была связана с поиском новых тем и сюжетов, среди которых оказывались народные восстания эпохи Фронды, закономерности развития феодализма, проблемы Тридцатилетней войны, азиатский способ производства, история социалистических идей и др.

Нашлось в этом ряду место и для истории раннего христианства, попавшего в сферу исследовательских интересов Б. Ф. Поршнева во второй половине 1950-х гг. Об этом повороте научной мысли советского ученого нам сообщают его современники. Так, в воспоминаниях Е. Б. Поршневой есть краткое упоминание о том, что у ее отца были планы написать монографию об Иисусе Христе (Поршнева, 2007, с. 573), а А. В. Гордон, опираясь на материалы О. Т. Вите, утверждает, что ученый не только подал заявку в издательство «Молодая гвар-

дия» на публикацию труда об Иисусе, но и подготовил специальную статью для журнала «Наука и религия», в которой постарался осветить проблему возникновения христианства [Гордон, 2018, с. 202]. Однако и для коллег Б. Ф. Поршнева, и для современных историографов новое увлечение советского ученого не представляло существенного интереса и, на мой взгляд, выступало в роли дополнительного подтверждения многогранности таланта этого творческого человека. Недаром в трудах современных отечественных новистов этот аспект научной биографии Б. Ф. Поршнева традиционно не упоминается [Чеканцева, 2005], а в исследованиях О. Т. Вите и А. В. Гордона ему отводится весьма скромная роль, связанная с изложением общих религиозно-исторических изысканий историка [Гордон, 2018, с. 201–202].

Вероятно, с точки зрения реконструкции научной биографии Б. Ф. Поршнева такой подход выглядит вполне оправданным. Ведь труды ученого, посвященные раннему христианству, в большинстве своем так и остались неопубликованными, а сама тематика – вскоре заброшенной. Однако для исследователя отечественного религиоведения подобный тематический поворот советского франковеда, посвятившего докторскую диссертацию истории XVII в. (хотя, как убедительно показали современные историографы, эта тематика была выбрана ученым во многом случайно [Кондратьева, 2016]), к событиям рубежа I тыс. до н. э. – I тыс. н. э., представляет существенный интерес и выходит далеко за рамки курьеза индивидуальной творческой биографии. Так, я полагаю, что случай с раннехристианскими исследованиями Б. Ф. Поршнева дает возможность более детально проанализировать специфику развития данной предметной области в СССР в 1950–1960-е гг., т. е. в то время, когда в советской науке развернулась дискуссия по ключевым аспектам проблемы происхождения христианства (историчность Иисуса Христа, место и время возникновения христианства, датировка новозаветной литературы и др.), способствовавшая пересмотру отдельных положений прежней конвенциональной модели [Метель, 2012, с. 80–100]. В результате в рамках настоящей статьи, опираясь на опубликованные труды Б. Ф. Поршнева и неопубликованные рукописи и машинописи его работ (ранее не введенные в научный оборот), отложившиеся в фонде историка в ОР РГБ и в фонде Института истории АН СССР в НА ИРИ РАН, мной будет предпринята попытка реконструировать взгляды ученого на проблему происхождения христианства и представить их в контексте общего развития советской историографии второй половины 1950-х – первой половины 1960-х гг.

В целом, как свидетельствуют материалы ОР РГБ, первые замечания относительно проблемы происхождения христианства были сделаны Б. Ф. Поршневым еще в середине 1950-х гг., когда исследователь активно занимался изучением закономерностей развития феодализма. В частности, в 1955 г. он приступил к подготовке статьи «Христианство как составная часть надстройки в феодальной общественной формации»¹, которая в дальнейшем стала основой для отдельной главы в обобщающем труде Б. Ф. Поршнева «Феодализм и народные массы» (Поршнева, 1964, с. 380–410). Именно в этом тексте, анализируя специфику функционирования надстройки в феодальном обществе и определяя религию в качестве ее составного элемента, выполнявшего репрессивную функцию и подавлявшего любой протест против господствующих классов, советский ученый высказал некоторые общие суждения о причинах возникновения христианства. Так, ссылаясь на Ф. Энгельса и используя концепцию революции рабов, укоренившуюся в советской историографии в 1930-е гг., Б. Ф. Поршнева представил раннее христианство как революционную силу, сплотившую всех, кто был недоволен властью Рима (Там же, с. 389). Правда, постепенно, по мере перехода от множества сект к твердой церковной организации, революционный дух раннего христианства сменялся стремлением выступить в поддержку имущих классов, и религия рабов вскоре превратилась в религию рабовладельцев, окончательно приобретая реакционный характер в эпоху Средневековья (Там же, с. 391).

¹ ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Ед. хр. 3.

Предложив подобную теоретическую конструкцию, которая, безусловно, не была оригинальной, но всё же несколько отличалась от разработок большинства советских историков, Б. Ф. Поршнева решил не останавливаться на сделанных выводах и в начале 1960-х гг. предпринял попытку внести более весомый вклад в разработку конкретных сюжетов, связанных с проблемой возникновения христианства. И в этом стремлении он был не одинок: еще во второй половине 1950-х гг. немало советских ученых, ранее специализировавшихся на совершенно иной проблематике, также приступили к разработке истории раннего христианства. В их числе оказались сотрудник сектора древней истории Института истории АН СССР Я. А. Ленцман, в 1948 г. защитивший диссертацию о делосской хлебной торговле, ленинградский антиковед С. И. Ковалев, с 1956 г. возглавлявший Музей истории религии и атеизма при АН СССР, бывший археолог М. М. Кубланов, также в эти годы сотрудничавший с названным музеем, византинист А. П. Каждан и др. Все они опубликовали во второй половине 1950-х – 1960-х гг. научные и научно-популярные труды по истории первых четырех веков христианства, внося немало уточнений в ту версию происхождения данной религии, которая была разработана на рубеже 1930–1940-х гг. А. Б. Рановичем и фактически приобрела в советской науке статус конвенциональной. Так, С. И. Ковалев, А. П. Каждан и М. М. Кубланов поставили под сомнение мифологический характер личности Иисуса Христа и внепалестинскую теорию происхождения христианства [Метель, 2012, с. 85–88], тем самым спровоцировав дискуссию между представителями так называемых исторической и мифологической школ [Лившиц, 1970, с. 134, 173], продолжавшуюся в советской науке на протяжении 1960-х гг.

Причины актуализации в советской историографии второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. проблемы происхождения христианства, ранее интересовавшей преимущественно пропагандистов-антирелигиозников, были связаны как с внешними, так и с внутренними факторами, определявшими развитие научных дисциплин в СССР. Так, с одной стороны, именно в середине 1950-х гг. изменилась антирелигиозная политика советского государства, вернувшегося в разгар десталинизации к наступлению на «религиозные пережитки». Правда, теперь главным средством борьбы с ними были объявлены не методы воинствующего безбожия образца 1930-х гг., а инструменты, имевшиеся в распоряжении представителей естественных и гуманитарных наук, которые должны были наглядно продемонстрировать верующим абсурдность религиозных идей (Об ошибках..., 1965, с. 81–82). Этот курс на обновление методов антирелигиозной работы поддерживали и советские ученые, подчеркивавшие, как, к примеру, М. Я. Сюзюмов в личной переписке с А. П. Кажданом, что методология большинства профессиональных антирелигиозников практически не отличается от приемов, используемых самым «заскорузлым попином»². Таким образом, новые задачи антирелигиозной деятельности сделали необходимым проведение новых исследований в области истории раннего христианства. Эту же задачу отчетливо обозначали и новые научные открытия, в частности рукописи Мертвого моря, случайно обнаруженные в пещерах Кумрана в 1947 г. и быстро приобретшие статус сенсационной находки, способной перевернуть представления о раннем христианстве. Советские исследователи получили возможность познакомиться с новыми рукописями именно во второй половине 1950-х гг. [Старкова, 1956], и в результате эти свитки поставили перед ними немало вопросов об иудейских корнях христианской религии и даже заставили усомниться в справедливости внепалестинской теории происхождения последней [Metel, 2021].

Именно в эти споры и включился Б. Ф. Поршнева, ранее уже имевший весьма богатый опыт ведения дискуссий со своими коллегами [Кондратьев, Кондратьева, 2020]. Свои взгляды на проблему происхождения христианства он изложил 2 марта 1960 г. на заседании сектора истории религии и атеизма Института истории АН СССР, представив перед собравшимися доклад на тему «Вопросы датировки и исторических условий возникновения новоза-

² ГАСО. Р-802. Оп. 1. Д. 153. Л. 9.

ветной литературы» (на его основе была подготовлена статья для ежегодника «Вопросы истории религии и атеизма», однако она не сохранилась)³. Спустя четыре года он уточнил и дополнил высказанные ранее тезисы и представил в журнал «Наука и религия» весьма «желанную»⁴ для редакции статью «Некоторые вопросы возникновения христианства»⁵. В целом и тезисы доклада, и неопубликованная статья представляют схожую картину возникновения и развития христианской религии. Исходной точкой рассуждений Б. Ф. Поршнева является тезис о том, что наиболее продуктивным для решения проблемы возникновения христианства, которую, по словам ученого, нужно отличать от проблемы его происхождения, трактуемой им в качестве идейной подготовки данной религии в I в., является филологический подход, связанный с анализом новозаветных текстов⁶. Этот подход, по словам Б. Ф. Поршнева, был удачно использован в трудах А. Б. Рановича, С. И. Ковалева, Р. Ю. Виппера и Я. А. Ленцмана, представивших целостную картину создания раннехристианской литературы. Однако сам Б. Ф. Поршнева был готов согласиться далеко не со всеми тезисами большинства названных авторов и, следуя за Р. Ю. Виппером, настаивал на необходимости передатировать все памятники Нового Завета, связав их появление с событиями II в. н. э., а именно с восстанием Бар-Кохбы⁷. В целом он утверждал, что именно под влиянием поражения данного народного движения многочисленные иудейские секты приступили к согласованию своих позиций и объединению вокруг образа Иисуса, созданного на основе фигуры реального руководителя борьбы против Рима и в дальнейшем признанного Христом⁸. Причем прежде сторонникам Иисуса удалось одержать победу над теми, кто предлагал сплотиться вокруг образов Иоанна Крестителя и Петра – Симона, также связанных с именами реальных лидеров антиримских выступлений периода иудейских войн. Таким образом, по словам Б. Ф. Поршнева, христианство возникло вследствие поражения восстания Бар-Кохбы и являлось составной частью общей антирабовладельческой революции, которая, как он подчеркивал в одной из других работ, не имела ни начала, ни конца и была похожа на «затопление волнами океана некогда неприступного материка»⁹.

Реакция научного сообщества на идеи Б. Ф. Поршнева оказалась неоднозначной. Об этом, в частности, свидетельствуют уже материалы обсуждения его доклада. Так, если верить стенограмме и записям самого Б. Ф. Поршнева, сделанным им, вероятно, во время развернувшихся прений, то Я. А. Ленцман, И. А. Крывелев и М. М. Шейнман поставили под сомнение предложенную автором хронологию новозаветных текстов, ссылаясь на ее недостаточную аргументированность и несоответствие выводам классиков марксизма¹⁰. И лишь А. П. Каздан прямо указал, что прозвучавшие тезисы являются новым словом в науке и должны быть непременно опубликованы автором¹¹. Не было единства мнений и у рецензентов неопубликованных статей Б. Ф. Поршнева, отмечавших как смелость мысли историка, справедливо отвергавшего банальные тезисы антирелигиозной пропаганды, так и очевидные недостатки его построений, связанные с невниманием к многочисленным деталям иудейской истории I в. н. э.¹²

Иными словами, уже современники определяли идеи Б. Ф. Поршнева как любопытные, но не достаточно фундированные, и, вероятно, историограф во многом может согласиться с этими оценками. Во всяком случае, сохранившиеся материалы отчетливо свидетельствуют о том, что Б. Ф. Поршнева, хотя и позиционировал себя как сторонник филологического под-

³ ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Ед. хр. 6.

⁴ Там же. Ед. хр. 4. Л. 1.

⁵ Там же. Ед. хр. 4.

⁶ Там же. Л. 4; Ед. хр. 6. Л. 1.

⁷ Там же. Ед. хр. 4. Л. 25; Ед. хр. 6. Л. 2.

⁸ Там же. Ед. хр. 4. Л. 43–44; Ед. хр. 6. Л. 3.

⁹ Там же. К. 21. Ед. хр. 10. Л. 33.

¹⁰ Там же. К. 27. Ед. хр. 6. Л. 4–7; НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1710. Л. 29–31.

¹¹ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1710. Л. 30.

¹² ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Ед. хр. 6. Л. 14–17.

хода к истории раннего христианства, был не слишком внимателен к данным источников. Он работал с их переводами на русский язык и отнюдь не стремился погружаться в тонкости анализа отдельных текстов Нового Завета. Напротив, как и в случае с французским материалом по истории XVII в., Б. Ф. Поршневым скорее шел от исходной схемы, стремясь подтвердить высказанный им ранее тезис о революционном характере раннего христианства, ставшего частью антирабовладельческой революции. Последняя же, если судить по тексту специальной главы «Генезис социальной революции» в неопубликованной монографии Б. Ф. Поршнева «Докапиталистические способы производства» [Вите, Гордон, 2006, с. 187]¹³, также встраивалась автором в общий контекст эволюции классовой борьбы человечества, представляя собой своего рода «утреннюю зарю» социальных потрясений¹⁴.

Однако, принимая в расчет сказанное, я все же рискну сделать весьма смелое предположение и заметить, что если бы речь шла только о недостаточной фундированности работ Б. Ф. Поршнева, то, вероятно, они всё же могли бы появиться в советской печати, весьма лояльно относившейся к трудам на столь актуальную и идеологически значимую тему. Более того, не мог стать препятствием для обнародования результатов исследований советского франковеда в области раннехристианской истории и тот факт, что немало тезисов, высказанных им в докладе 1960 г. и в статье 1964 г., сложно назвать оригинальными. Так, революционный характер раннего христианства и общее направление его эволюции от религии рабов к религии рабовладельцев признавали Ф. Энгельс, сравнивавший социал-демократическое движение второй половины XIX в. с сектами ранних христиан (Энгельс, 1962, с. 467)), К. Каутский, видевший в Иисусе Христе революционера (Каутский, 1919), Р. Ю. Виппер, полагавший, что христианство постепенно изменяло своему революционному духу (Виппер, 1918), А. Робертсон, подчеркивавший черты героя народного движения в образе Иисуса (Робертсон, 1959), и др. Да и в работах главного советского специалиста по этой теме, А. Б. Рановича, в целом также можно найти схожие идеи. Другое дело, что для советских ученых христианство не могло быть связано с реальным протестом народных масс против власти Рима (Ранович, 1941, с. 54), ведь антирелигиозная пропаганда настаивала на том, что религия может дать лишь иллюзорное утешение и отвлечь страждущих и обремененных от настоящей борьбы. Недаром в работах того же А. Б. Рановича, С. И. Ковалева и их коллег все «неудобные» параллели, проводимые Ф. Энгельсом, традиционно затушевывались, а выводы К. Каутского, Р. Ю. Виппера и А. Робертсона ставились под сомнение или вовсе отвергались как «дилетантские» и «немарксистские» (случай Р. Ю. Виппера (Абрам Борисович Ранович, 2018, с. 130)) или необоснованные (случай А. Робертсона (Ковалев, 1959, с. 6–25)).

Б. Ф. Поршневым же как будто не замечал этих проблемных аспектов своих выводов и прямо подчеркивал преемственность собственных взглядов с идеями А. Робертсона и Р. Ю. Виппера¹⁵, которые он к тому же увязывал с весьма спорной для историков 1960-х гг. теорией революции рабов. Причины выбора Б. Ф. Поршневым столь неоднозначных и «неудобных» авторитетов, вероятно, были обусловлены несколькими обстоятельствами. В первую очередь стоит признать, что Б. Ф. Поршневым действительно высоко ценил указанных авторов, особенно Р. Ю. Виппера, которого он называл учителем своего учителя В. П. Волгина и даже позиционировал себя как продолжателя его религиозноведческих изысканий (недаром его статья «Некоторые вопросы возникновения христианства» была посвящена Р. Ю. Випперу¹⁶). Более того, вероятно, для Б. Ф. Поршнева выводы Р. Ю. Виппера – А. Робертсона и являлись истинно марксистскими, так как позволяли выстроить концепцию возникновения христианства, соответствовавшую базовым постулатам марксистско-ленинской теории, отказывавшей религии в самостоятельной истории и видевшей в религиозных движениях древности и Средневековья социальную основу.

¹³ ОР РГБ. Ф. 684. К. 21. Ед. хр. 10.

¹⁴ Там же. Л. 28.

¹⁵ Там же. К. 27. Ед. хр. 4. Л. 3, 46, 52; К. 21. Ед. хр. 10. Л. 28; НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1710. Л. 29.

¹⁶ ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Ед. хр. 4. Л. 3.

Правда, в этом случае Б. Ф. Поршневу, претендовавшему на единственно верное прочтение марксизма, нужно было приложить немало усилий, чтобы объяснить причины расхождения своих взглядов на датировку новозаветных текстов, в частности Апокалипсиса, со взглядами Ф. Энгельса. Ведь если советский франковед, вслед за Р. Ю. Виппером, относил этот памятник раннехристианской литературы к 130-м гг. н. э., то «классик № 1» в изучении раннехристианской истории, а за ним и все советские ученые, датировали Откровение св. Иоанна Богослова 68 г. н. э. (Энгельс, 1961; Ранович, 1941, с. 51). Стремясь снять столь очевидное противоречие, отечественный франковед, с одной стороны, оправдывал Ф. Энгельса, который якобы был вынужден принять ошибочную датировку Апокалипсиса, предложенную Ф. Бенари, чтобы не соглашаться с гиперкритикой Б. Бауэра¹⁷, а с другой – приводил в пользу своих идей чисто филологические аргументы, полагая, что текст Откровения состоял из пяти разновременных хронологических пластов, один из которых можно связать с правлением Нерона, но весь памятник всё же надлежит отнести к правлению Антонина Пия¹⁸.

Однако, несмотря на столь сложную аргументацию, Б. Ф. Поршневу так и не смог убедить коллег в справедливости предложенной им конструкции. В результате для специалистов по истории раннего христианства, неоднократно сталкивавшихся с приемами «перетолкования» идей «классиков» в угоду текущей конъюнктуры или в силу появления новых научных данных¹⁹, его прочтение трудов Ф. Энгельса оказалось избыточным, а филологические аргументы, напротив, – недостаточно убедительными. И такую ситуацию вряд ли можно назвать случайной. Ведь сделанная с опорой на Ф. Энгельса датировка Апокалипсиса 68 г. н. э. для советской историографии была решающим аргументом как в пользу внепалестинской теории происхождения христианства, так и в пользу гипотезы о мифологическом характере личности его основателя. Другими словами, именно она являлась прочным фундаментом всей советской марксистско-ленинской конструкции, объяснявшей рождение новой религии. Б. Ф. Поршневу же, перенося время создания Откровения св. Иоанна Богослова на середину II в. н. э. и связывая процесс возникновения христианства с восстанием Бар-Кохбы (которое, в свою очередь, оказывалось звеном в общей антирабовладельческой революции!), разрушал принятую конвенцию, предлагая пересмотреть не ее второстепенные детали (к примеру, вопрос об историчности Иисуса Христа, который можно было признать неважным для марксистского анализа (Кубланов, 1964, с. 323)), а базовые компоненты, выстроенные с учетом данных источников, выводов «классиков» и ключевых положений антирелигиозной пропаганды.

С учетом сказанного нет ничего удивительного в том, что работы Б. Ф. Поршнева так и не вышли из печати, а монография об Иисусе Христе осталась ненаписанной, сохранившись в Отделе рукописей РГБ в виде разрозненных заметок преимущественно методологического характера²⁰. Да и у самого Б. Ф. Поршнева интерес к раннехристианской проблематике вскоре угас, что, на мой взгляд, можно объяснить довольно банально: представив рождение христианства в качестве одного из эпизодов в истории классовой борьбы человечества, он посчитал данный исследовательский проект завершенным и обратился к следующему научному сюжету. Тем более что именно в 1960-е гг. советский франковед увлекся социальной психологией и постарался предложить целостную интерпретацию религиозной веры как элемента человеческой психики (Поршневу, 1966).

Тем не менее, если посмотреть на эпизод кратковременного интереса Б. Ф. Поршнева к раннехристианской истории не с позиций индивидуальной научной биографии, а с точки зрения развития науки о религиях в СССР, то он приобретает иное звучание и наталкивает нас на небезытересные размышления об особенностях функционирования советской библеистики. Так, в частности, пример Б. Ф. Поршнева демонстрирует относительную скорость

¹⁷ ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Ед. хр. 4. Л. 23.

¹⁸ Там же. Л. 9; Ед. хр. 6. Л. 2.

¹⁹ Там же. Ед. хр. 6. Л. 14.

²⁰ Там же. Ед. хр. 5.

и простоту вхождения специалиста в пространство библейской критики: ведь, не являясь ни гебраистом, ни антиковедом и не работая с источниками на языке оригинала, советский исследователь мог претендовать на разрешение базовых проблем раннехристианской истории и построение общей концепции ее развития в I–II вв. н. э. Безусловно, этот тезис можно попытаться оспорить ссылкой на особый характер личности Б. Ф. Поршнева, легко менявшего научную специализацию и выстраивавшего всё новые системы в самых разных хронологических и предметных областях. Однако стоит напомнить, что пример Б. Ф. Поршнева не был уникальным, и, как уже было отмечено выше, в 1950–1960-е гг. в СССР раннехристианская история становилась ареной приложения сил специалистов, ранее занимавшихся изучением иных проблем древней и средневековой истории. Причем в сферу библейских исследований они приходили не только как популяризаторы, стремившиеся, как, к примеру, А. П. Каждан, внести свой вклад в борьбу с упрощенными антирелигиозными схемами, но и как исследователи-профессионалы, закладывавшие основы марксистского подхода к истории раннего христианства и транслировавшие их далеко за пределами советской науки [Lenzman, 1965]. Более того, само стремление отечественного франковеда к широким генерализациям не было особой чертой именно его раннехристианских штудий. Уже А. Б. Ранович, один из признанных советских «классиков» в изучении данной темы, стремился к построению максимально схематичного нарратива, очерчивая основные линии развития христианства в I–IV вв. н. э. В результате, я полагаю, что если бы Б. Ф. Поршнева демонстрировал не столь очевидную зависимость от идей Р. Ю. Виппера и А. Робертсона и не акцентировал внимание на революционном характере новой религии, ставшей идейным компонентом антирабовладельческой революции, которая очень напоминала весьма спорную идею о революции рабов, то он вполне мог бы стать одним из представителей так называемой советской исторической школы в изучении раннего христианства и внести свой вклад в историзацию образа Иисуса Христа.

Список литературы

- Вите О. Т., Гордон А. В.** Борис Федорович Поршнева (1905–1972) // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 181–200.
- Гордон А. В.** Историки железного века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 448 с.
- Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н.** А. Д. Люблинская versus Б. Ф. Поршнева: Что было не так в книге «Народные восстания во Франции перед Фрондой»? // Французский ежегодник. М., 2020. Т. 53. С. 257–292. DOI 10.32608/0235-4349-2020-1-53-257-292
- Кондратьева Т. Н.** От исторической фактуры к социологическим фигурам, или Как кардинал де Рец обратил Бориса Федоровича Поршнева во франковеда // Новый исторический вестник. 2016. № 4 (50). С. 145–164.
- Лившиц Г. М.** Очерки историографии Библии и раннего христианства. Минск: Высш. шк., 1970. 408 с.
- Метель О. В.** Советская модель изучения первоначального христианства (1920–1990-е гг.). Омск: Полиграфический центр КАН, 2012. 169 с.
- Старкова К. Б.** Рукописи из окрестностей Мертвого моря // Вестник древней истории. 1956. № 1. С. 87–101.
- Уваров П. Ю.** Между ежами и лисами: заметки об историках. М.: НЛЮ, 2015. 280 с.
- Чеканцева З. А.** Борис Федорович Поршнева: штрихи к портрету большого ученого // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972). М., 2005. С. 37–47.
- Lenzman I.** Los orígenes del cristianismo. México: [б. и.], 1965. 286 p.
- Metel O.** On the History of Exploring the Qumran Manuscripts in the URSS in the 1950s and 1980s // Цайтшрыфт. 2021. № 8 (13). С. 176–190.

Список источников

- Абрам Борисович Ранович: документы и материалы / Под ред. С. Б. Криха; сост., предисл. и примеч. А. И. Ключева, О. В. Метель. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2018. 263 с.
- Виппер Р. Ю.** Возникновение христианства. М.: Фарос, 1918. 118 с.
- Гуревич А. Я., Степанов Б. Е.** «Быть дольше в стороне мне казалось невозможным...» (последнее интервью А. Я. Гуревича, 11 июня 2006 года) // НЛЮ. 2006. № 5 (81). С. 175–193.
- Каутский К.** Происхождение христианства. Пг.: Лит.-изд. отд. Нар. ком. по просвещению, 1919. 384 с.
- Ковалев С. И.** Вступительная статья // Робертсон А. Происхождение христианства. 2-е изд. М., 1959. С. 5–26.
- Кубланов М. М.** Иисус христос – бог, человек, миф? М.: Наука, 1964. 167 с.
- Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения. Постановление ЦК КПСС [11 ноября 1954 г.] // О религии и церкви (сборник документов). М., 1965. С. 77–82.
- Поршнева Е. Б.** Феодализм и народные массы. М.: Наука, 1964. 520 с.
- Поршнева Е. Б.** Социальная психология и история. М.: Наука, 1966. 213 с.
- Поршнева Е. Б.** Реальность воображения (записки об отце) // Поршнева Е. Б. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб., 2007. С. 539–575.
- Ранович А. Б.** Очерк истории раннехристианской церкви. М.: ОГИЗ, ГАИЗ, 1941. 260 с.
- Робертсон А.** Происхождение христианства / Общ. ред., вступ. ст. и послесл. С. И. Ковалева. 2-е изд. М.: Иностр. лит., 1959. 323 с.
- Туполева Л. Ф.** Вспоминая Б. Ф. Поршнева // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972). М., 2005. С. 70–75.
- Энгельс Ф.** Книга Откровения // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 21. С. 7–13.
- Энгельс Ф.** К истории первоначального христианства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1962. Т. 22. С. 465–492.

References

- Chekantseva Z. A.** Boris Fedorovich Porshnev: shtrikhi k portretu bol'shogo uchenogo [Boris Fedorovich Porshnev: Touches to the Portrait of a Great Scientist]. In: *Frantsuzskii ezhegodnik 2005: Absolyutizm vo Frantsii. K 100-letiyu B. F. Porshneva (1905–1972)* [French Yearbook 2005: Absolutism in France. To the 100th Anniversary of B. F. Porshnev (1905–1972)]. Moscow, 2005, pp. 37–47. (in Russ.)
- Gordon A. V.** *Istoriki zheleznogo veka* [Historians of the Iron Age]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2018, 448 p. (in Russ.)
- Kondratiev S. V., Kondratieva T. N.** A. D. Lyublinskaya versus B. F. Porshnev: Chto bylo ne tak v knige “Narodnye vosstaniya vo Frantsii pered Frondoi”? [A. D. Lublinskaya versus B. F. Porshnev: What Was Wrong in the Book “People’s Uprisings in France before the Fronde”?] In: *Frantsuzskii ezhegodnik* [The French Yearbook], 2020, vol. 53, pp. 257–292. DOI 10.32608/0235-4349-2020-1-53-257-292 (in Russ.).
- Kondratieva T. N.** Ot istoricheskoi faktury k sotsiologicheskim figuram, ili kak kardinal de Rets obratil Borisa Fedorovicha Porshneva vo frankoveda [From Historical Texture to Sociological Figures, or how Cardinal de Retz Turned Boris Fyodorovich Porshnev into a French Scholar]. *Novyi istoricheskii vestnik* [New Historical Bulletin], 2016, no. 4 (50), pp. 145–164. (in Russ.)
- Lenzman I.** *Los origenes del cristianismo*. México, 1965, 286 p.
- Livshits G. M.** *Ocherki istoriografii Biblii i rannego khristianstva* [Essays on the Historiography of the Bible and Early Christianity.]. Minsk, Vysheishaya shkola, 1970, 408 p. (in Russ.)

- Metel O. V.** Sovetskaya model' izucheniya pervonachal'nogo khristianstva (1920 – 1990-e gg.) [The Soviet Model for the Study of Primitive Christianity (1920–1990s)]. Omsk, Poligraficheskiy tsentr KAN Publ., 2012, 169 p. (in Russ.)
- Metel O.** On the History of Exploring the Qumran Manuscripts in the URSS in the 1950s and 1980s. *Tsaitshryft*, 2021, no. 8 (13), pp. 176–190. (in Russ.)
- Starkova K. B.** Rukopisi iz okrestnostei Mertvogo morya [Manuscripts from the Vicinity of the Dead Sea]. *Vestnik drevnei istorii* [Bulletin of Ancient History], 1956, no. 1, pp. 87–101. (in Russ.)
- Uvarov P. Yu.** Mezhdzhu ezhami i lisami: zametki ob istorikakh [Between Hedgehogs and Foxes: Notes about Historians]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015, 280 p. (in Russ.)
- Vite O. T., Gordon A. V.** Boris Fedorovich Porshnev (1905–1972). *Novaya i noveishaya istoriya* [Modern and Recent History], 2006, no. 1, pp. 181–200. (in Russ.)

List of Sources

- Abram Borisovich Ranovich: dokumenty i materialy [Abram Borisovich Ranovich: Documents and Materials]. Ed. by S. B. Krikh, A. I. Klyuev, comp. O. V. Metel. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018, 263 p. (in Russ.)
- Engels F.** Kniga Otkroveniia [The Book of Revelation]. In: Marks K., Engels F. Sochineniia [Essays]. 2nd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1961, vol. 21, pp. 7–13. (in Russ.)
- Engels F.** K istorii pervonachal'nogo khristianstva [On the History of Early Christianity]. In: Marks K., Engels F. Sochineniia [Essays]. 2nd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1962, vol. 22, pp. 465–492. (in Russ.)
- Gurevich A. Ya., Stepanov B. E.** “Byt' dol'she v storone mne kazalos' nevozmozhnym...” (poslednee interv'yuu A. Ya. Gurevicha, 11 iyunya 2006 goda) [“It Seemed Impossible for Me to Be on the Sidelines for any Longer...” (Last Interview with A. Ya. Gurevich, June 11, 2006)]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2006, no. 5 (81), pp. 175–193. (in Russ.)
- Kautsky K.** Proiskhozhdenie khristianstva [The Origin of Christianity], Petrograd, Literaturno-izdatel'skii otdel Narodnogo komissariata po prosveshcheniyu, 1919, 384 p. (in Russ.)
- Kovalev S. I.** Vstupitel'naya stat'ya [Introductory Article]. In: Robertson A. Proiskhozhdenie khristianstva [The Origin of Christianity]. Moscow, 1959, pp. 5–26. (in Russ.)
- Kublanov M. M.** Iisus khristos – bog, chelovek, mif? [Was Jesus Christ God, Man, Myth?]. Moscow, Nauka, 1964, 167 p. (in Russ.)
- Ob oshibkakh v provedenii nauchno-ateisticheskoi propagandy sredi naseleniya. Postanovlenie TsK KPSS [11 noyabrya 1954 g.] [About Mistakes in Conducting Scientific-Atheistic Propaganda among the Population. Decree of the Central Committee of the CPSU [November 11, 1954]]. In: O religii i tserkvi (sbornik dokumentov) [About Religion and the Church (Collection of Documents)], Moscow, 1965, pp. 77–82. (in Russ.)
- Porshnev B. F.** Feodalizm i narodnye massy [Feudalism and the Masses]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 520 p. (in Russ.)
- Porshnev B. F.** Sotsial'naya psikhologiya i istoriya [Social Psychology and History]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 213 p. (in Russ.)
- Porshneva E. B.** Real'nost' voobrazheniya (zapiski ob ottse) [The Reality of Imagination (Notes about the Father)]. In: Porshnev B. F. O nachale chelovecheskoi istorii (problemy paleopsikhologii) [On the Beginning of Human History (Problems of Paleopsychology)]. St. Petersburg, 2007, pp. 539–575. (in Russ.)
- Ranovich A. B.** Ocherk istorii rannekhristianskoi tserkvi [Essay on the History of the Early Christian Church], Moscow, OGIz Publ., GAIZ Publ., 1941, 260 p. (in Russ.)
- Robertson A.** Proiskhozhdenie khristianstva [The Origin of Christianity]. Ed. by S. I. Kovalev. 2nd ed. Moscow, Izdatel'stvo inostranoi literatury, 1959, 323 p. (in Russ.)

Tupoleva L. F. Vspominaya B. F. Porshneva [Remembering B. F. Porshnev]. In: Frantsuzskii ezhegodnik 2005: Absolyutizm vo Frantsii. K 100-letiyu B. F. Porshneva (1905–1972) [French Yearbook 2005: Absolutism in France. To the 100th Anniversary of the Birth of B. F. Porshnev (1905–1972)]. Moscow, 2005, pp. 70–75. (in Russ.)

Vipper R. Yu. Vozniknovenie khristianstva [The Origin of Christianity], Moscow, Faros Publ., 1918, 118 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Ольга Вадимовна Метель, кандидат исторических наук, доцент

Scopus Author ID 57219053712

WoS Researcher ID M-6133-2016

Information about the Author

Olga V. Metel, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

Scopus Author ID 57219053712

WoS Researcher ID M-6133-2016

*Статья поступила в редакцию 29.07.2022;
одобрена после рецензирования 18.08.2022; принята к публикации 10.09.2022
The article was submitted on 29.07.2022;
approved after reviewing on 18.08.2022; accepted for publication on 10.09.2022*